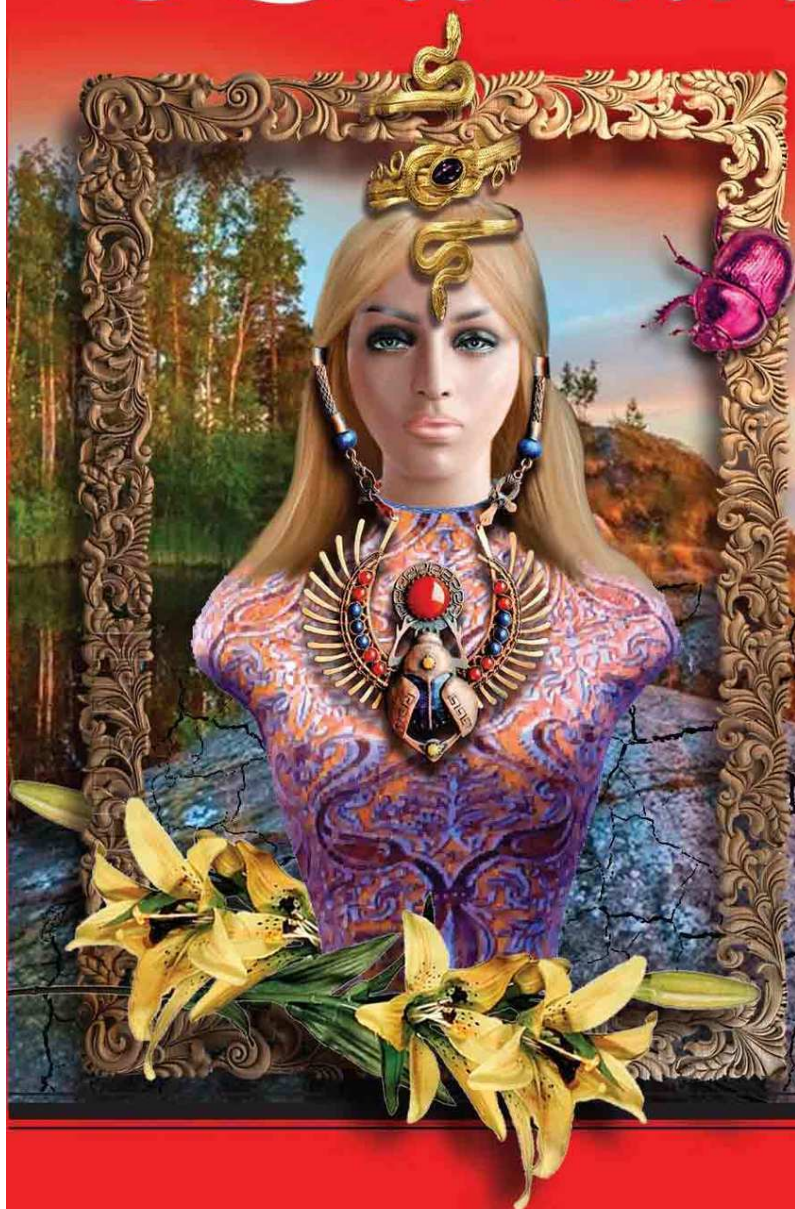

Инна Баршнская

*Детектив
сильных
страстей*

Среди
ВОСКОВЫХ фигур

Детективный триумvirат

Инна Бачинская

Среди восковых фигур

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Среди восковых фигур / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2020 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-04-108439-4

Никто не верил бизнесмену Михаилу Кротову. Он заявил, что исчезла его девушка, но создавалось впечатление, что ее никогда и не было – никто не видел их вместе, не осталось даже следов ее пребывания в доме. Через некоторое время Кротов покончил с собой, наглотившись снотворного. Или это было убийство? От смерти Кротова выигрывает его давний друг и деловой партнер Бураков, но у него прочное алиби... Преподаватель философии Федор Алексеев познакомился с загадочной девушкой Лидией и всерьез увлекся ею. Общий друг пригласил их на фотосессию в музей восковых фигур, моделью для одной из скульптур которого стал в свое время Кротов. Но свидание не состоялось...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108439-4

© Бачинская И. Ю., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Инна Бачинская

Среди восковых фигур

*Живи. Не жалуйся, не числи
ни лет минувших, ни планет,
и стройные сольются мысли
в ответ единый: смерти нет.*

*Будь милосерден. Царств не требуй.
Всем благодарно дорожи.
Молись – безоблачному небу
и василькам в волнистой ржи...*

Владимир Набоков. Стихи

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор

Пролог

– Подожди! Давай поговорим! Послушай!

– Ненавижу! Пошел вон! Не трогай меня! Некрофил чертов! Надоело!

Мужчина, схватив женщину за плечи, остервенело тряс ее. Разлетевшиеся длинные белые волосы закрывали ей лицо. Она кричала и вырывалась, пытаясь достать растопыренными пальцами его лицо. Ей это удалось, и на щеке мужчины обозначилась набухающая кровью царапина. Он взревел от боли и выпустил женщину. Она метнулась прочь. Он, опомнившись, рванул за ней, схватил за подол длинного платья, дернул. Она закричала, пытаясь вырвать платье. Он перехватил ее руки одной левой, а правой наотмашь ударил по лицу. Она закричала, перестала биться и в ужасе зажмурилась; он резко отшвырнул ее от себя. Не удержавшись на ногах, она упала на пол и затихла. Он стоял, тяжело дыша, рассматривая свои руки. Перевел взгляд на нее, сказал:

– Ладно, хватит театра, вставай. Согласен, я скотина, погорячился. Но и ты... – Он потрогал царапину на щеке, рассмотрел кровь на пальцах. Ухмыльнулся. Переход от бешенства к умиротворению был мгновенным.

– Я же люблю тебя! И ты меня! Вставай!

Он смотрел на женщину на полу. Разметавшиеся длинные волосы, разорванное на груди пестрое домашнее платье, разбросанные в стороны руки. Вишневый лак на длинных ногтях. Широко открытые глаза, смотрящие в никуда. Она оставалась неподвижной.

– Вставай! У меня для тебя подарок! Ты давно хотела... Ну!

Он нагнулся, схватил ее руку и потянул. Ее тело показалось ему неестественно тяжелым. Голова женщины запрокинулась, острый подбородок уткнулся в потолок. На полу, там, где лежала ее голова, растекалась лужа крови. Оцепенев, все еще удерживая ее руку, он бессмысленно смотрел на ярко-красное пятно. Потом отпустил руку – тонко клацнули длинные красные ногти, голова с глухим стуком упала на пол. Машинально он отметил разлетевшиеся по полу кровавые брызги. Веки полуприкрыли глаза, и казалось, она смотрит издевательски... подглядывает! А губы растянулись не то в гримасе, не то в улыбке. Мужчина сглотнул, мгновенно трезвея и понимая, что произошло непоправимое, и все еще не желая верить...

* * *

...Темная неподвижная фигура на пороге спальни. Человек напряженно прислушивается к дыханию спящего. Поворачивается и, неслышно ступая, уходит. Спускается по ступенькам на первый этаж в гостиную, удобно усаживается на широкий мягкий диван, щелкает кнопками пульта. Плоский экран вспыхивает голубоватым светом. Человек «бегает» по каналам – живо мелькают лица людей, оскалившихся зомби, потусторонней нежити, морды животных и пришельцев из космоса, драки, убийства, реки крови, насилие, грубый секс, а в уши бьют рев, вой, скрежет, сливаясь в дикую какофонию. Он выключает телевизор, прислушивается. Поднимается с дивана, идет наверх, переступая через две-три ступени. Он полон ожидания, он чувствует, как колотится сердце, испытывает азарт, сглатывает комок в горле, сжимает кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Застывает на пороге чужой спальни, прислушивается. Подходит к спящему, наклоняется, пытаясь уловить звук дыхания. Человек в кровати недвижим. Голова его запрокинута, руки лежат поверх одеяла. Лицо спокойно. *Том* наклоняется ниже, потом протягивает руку и после недолгого колебания прикасается пальцами к шее спящего. И не ощущает ничего. Он распрямляется, стоит с минуту, рассматривая сереющий прямоугольник расветного окна, и выходит из спальни, не оглянувшись и не задержавшись на пороге.

Еще около часа сидит на диване, бессмысленно пялясь в пустой экран, выжидает, кусая ногти. Когда за окнами в утренних сумерках проступают ближние кусты и деревья, он поднимается и, внимательно оглядев комнату, идет в кухню, открывает дверь на заднюю террасу и выскальзывает из дома...

Глава 1

Так не бывает!

*С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, –
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!*

А. Кочетков. Баллада о прокуренном вагоне...

– Я дома! – Он с силой захлопнул за собой дверь, отшвырнул портфель, пробежал через большой холл в гостиную. Он соскучился, он был полон нетерпения, он рвал с себя галстук. – Заяц, ты где?

Молчание было ему ответом. Гостиная оказалась пуста. Плазма во всю стену светила мертвым экраном. На ковре лежали длинные красные полосы закатного солнца. Он застыл на пороге, недоумевая. Крикнул еще раз:

– Зоя? Ты дома?

И снова тишина в ответ. Перепрыгивая через три ступеньки, он помчался на второй этаж. Бежал в спальню. Задернутые темно-зеленые шторы, зеленоватый полумрак, аккуратно застеленная кровать. Тихо, пусто.

Он звал женщину и бежал по дому, открывая двери в ванные, комнаты для гостей, кабинет, застекленную веранду. Выхватил мобильный телефон и набрал номер. Стоял, прислушиваясь, где зазвенит. Услышал, что номер не обслуживается. Упал на диван, бросив телефон на журнальный столик. Смотрел, ничего не видя, бессмысленно и сосредоточенно в пространство перед собой, испытывая уже не страх, а ужас. Ее украли! Выманили и увезли! Он недаром боялся...

Он вскочил и снова побежал наверх, в спальню. Распахнул дверцы ее шкафа и замер: там было пусто. Вчера здесь висели ее платья и блузки, нежные тонкие бело-зеленые... ей нравится зеленый... все оттенки, оливковый, изумрудный, цвет травы... Он подарил ей кольцо с бриллиантом и двумя изумрудами. Теперь шкаф был пуст. Он выдвигал один за другим ящики тумбочки, где, как он знал, хранилась всякая мелочь вроде бижутерии, шариковых ручек, шоколадок, салфеток... пусто. Она любила шоколад... Ты моя шоколадная мышь, говорил он, грызешь, как мышь, и зубки у тебя тоже мелкие и острые!

На столике трюмо, где еще утром было тесно от кремов и флаконов, пусто. В ванной ни купального халата, ни зубной щетки. Ее ночная сорочка! Но под подушкой тоже пусто...

Деньги! Толстая пачка в ящике письменного стола в кабинете осталась нетронутой. Сейф надежно заперт. Он машинально взял деньги, смотрел бессмысленно, отметив, что у него дрожат руки. Открыл серебряную шкатулку с «фамильными ценностями» – золотые часы и несколько золотых безделушек Лены... Медальон с их фотографиями. Она не любила золото, но – память. Все на месте. Он бессмысленно рассматривал медальон и часы. Коробочка с кольцом – тонкий платиновый ободок, бриллиант и два изумруда – на месте, в ящике письменного стола. Он помнил, как протянул ей коробочку и сказал: «Подарок!» И любовался ее радостно вспыхнувшими глазами и улыбкой. Она бросилась ему на шею...

В кухне царила идеальная чистота. Утром они вместе пили кофе. Он рассказывал ей про Руслана, друга детства и делового партнера, она хохотала. Ему нравилось, как она смеется, и он старался рассмешить ее. Кофе в черных шершавых керамических чашках, на его – размашистая лакированная надпись «Bistrot cafe», на ее – «Carruccino». Руслан, Русик... занудный, мелочный, придирчивый! Трусоватый. С подозрительным взглядом и манерой грызть ноготь

большого пальца на левой руке – еще со школы. Прекрасный бухгалтер: ему было легче с цифрами, чем с людьми – люди от него шарахались. Он любил рассказывать о Русике, ему нравилось, как она смеется. Они сидели напротив друг дружки, он спиной к окну, она, наоборот, лицом, и он видел ее очень белую кожу, веснушки на переносице, ярко-рыжие, выющиеся мелкими пружинками волосы и светлые длинные зеленые глаза. Когда она смеялась, она запрокидывала голову, и он видел, как бьется синяя жилка у нее на шее. На ней было его любимое платье – длинное, зеленое, в мелкий белый цветочек. И была она босиком. Она любила бродить по дому босиком...

Она сидела у него на коленях... Какого цвета у тебя глаза, спрашивал он. Арктического льда, отвечала она. Ты не похожа на лед, говорил он. Ты теплая. Ты горячая!

*Вот ты прекрасна, подруга моя! Вот ты прекрасна! Глаза твои голуби! Скажи мне ты, кого любит душа моя?*¹

Ты еще меня не знаешь, отвечала она. Твои волосы пахнут сандалом, говорил он, зарываясь лицом в ее гриву. Да, потому что меня сделали из сандалового дерева. Как Буратино? Как Буратино. И нос у меня длинный. Не замечал! Ты вообще меня не замечаешь...

А голос! Негромкий, низкий, сипловатый... Воркующий. Скажи что-нибудь, просил он, когда они, обнявшись, лежали в постели. Скажи, что любишь... Люблю, люблю, люблю, говорила она прямо ему в ухо, это было щекотно, казалось, что в ухе сидит кто-то живой и шевелит лапками, его окатывало горячей волной, и он смеялся. Они вообще много смеялись, что на него не похоже...

Такой женщины у него никогда не было.

...Обе чашки стояли в буфете, вымытые, сухие. Клетчатое полотенце, такая же рукавица для горячего, сверкающая, чисто протертая столешница... Настя? Он выбежал из кухни, схватил с журнального столика телефон, набрал номер домработницы.

– Настя, это я! – Та забормотала что-то, но он, не слушая, закричал: – Настя, вы приходили сегодня?

– Сегодня не приходила, Михаил Андреевич. Вы же сами сказали не приходите. Еще пошутили, что даете мне отпуск, помните? А что случилось? Если надо, я мигом прибегу!

– Не нужно, извините, Настя. – Он щелкнул кнопкой, отключаясь. Откинулся на спинку дивана, закрыл глаза...

¹ Строки из «Песни песней Соломона» в пер. А. Эфроса.

Глава 2

Триумвират

Работая над решением задачи, всегда полезно знать правильный ответ.

Искусство научных исследований

Бар «Тутси»! Кто не знает бара «Тутси»? Городская достопримечательность, можно сказать, все знают. Во-первых, название. Не «Пир горой», не «Дикий Запад», не «Бирмаркет», не «Кружечка», не «Мистер Бочкин», не «Нью-ерш», не, не, не... сотни таких же безликих, неинтересных, банальных, избитых... Дальше сами. И вдруг «Тутси»! Как экзотический нездешний цветок! Каков креатив, а? А посмотришь на старого доброго Митрича, хозяина, так и не скажешь, что способен на подобный изыск. И правильно скажешь, потому что название придумала его матушка после просмотра одноименного фильма. Митрич же и понятия не имел, что такое «Тутси». Матушка просветила и потребовала. Митрич, как послушный сын, внял, хотя в голове у него крутились другие названия, очень душевные и родные, вроде: «Пир души», или «Золотое дно», или «Большая бочка». А тут вдруг какое-то «Тутси». Но с матушкой не поспоришь, тем более в качестве спонсора. Скрепя сердце, стесняясь, переполненный дурными предчувствиями Митрич взял под козырек. К его изумлению, сработало! И негромкий джаз, и девушка с романсами, и фото знаменитостей с автографами... тоже работа матушки. Как ни крути, старое поколение пока рано скидывать со счетов. Впрочем, нет, фотки – идея Митрича, он питает слабость к знаменитостям, своим и заезжим – в итоге все стены в картинках и автографах, прямо тебе краеведческий музей! Равно как и бутерброды с колбасой и маринованным огурчиком... в смысле, еще одно ноу-хау Митрича. Так и называются: фирменные Митрича.

Одним словом, или как сейчас говорят: *карович!* – бар для среднего класса, среднего возраста, средней слегка ностальгирующей приличной интеллигенции и где-то богемы. Своего рода городская достопримечательность. И ни тебе шумных разборок, ни мордобоя, ни пьяных личностей... даже как-то непривычно и вроде чего-то не хватает, честное слово. Зато полно завсегдатаев, которые не столько завсегдатаи, сколько, можно без преувеличения сказать, семья. Взять, например, любимчика Митрича, золотое перо местного бульварного листка «Вечерняя лошадь» Лешу Добродеева, он же Лео Глюк, тиснувшего с добрый десяток хвалебных материалов про замечательный бар, обозвав его «культовым», «сакральным» и даже «вотивным»². Последнее пришлось смотреть в Интернете, хотя все равно не совсем понятно, что имелось в виду. Ну, да Леша Добродеев человек страстный, увлекающийся и восторженный. Или вот еще великолепная троица: философ Федор Алексеев, капитан Коля Астахов и Савелий Зотов, главный редактор отдела остросюжетной дамской литературы местного издательства «Арт нуво»! Именно здесь, в баре «Тутси», они щелкают как орех всякие криминальные загадки, а Митрич доносит до них *вокс попули*³ от своей матушки. И главное, у каждого своя роль в коллективе, что помогает рассмотреть ситуацию со всех сторон. Коля Астахов опытный опер с устоявшимися взглядами, колоссальным опытом, видящий насквозь любого отступника раньше даже, чем тот совершит противоправное деяние. Философ Федор Алексеев... Кстати, это сейчас он философ, вернее, преподаватель философии педуниверситета, профессор, а раньше был коллегой капитана, тоже капитаном. А потом вдруг одновременно сменил военный мундир на академическую тогу, с головой ушел в науку, любит рассуждать, анализировать, особенно по ночам... Представьте себе: глубокая ночь, ветерок шевелит бал-

² Вотивный – в истории религии связанный с принесением даров.

³ Вокс попули – от лат. «vox populi» (глас народа).

конную занавеску, на небе полная луна, Федор бродит в Интернете. Задает вопросы, анализирует, соображает, думает. Если не над какой-нибудь исторической загадкой, то над очередной статьей для «Вестника философии». Рядом любимая кружка, уже третья или четвертая, с кофе, и фигурка танцовщицы Чипаруса с венского блошиного рынка, любимая, на которую он нет-нет да и взглянет. Ручки над головой, нежное личико, юбочка за колена, тонкие ножки... Одним словом, или снова *кароч* (которое, правда, тут как на корове седло, но отдадим должное современной народной лексике): философия его конек, так сказать, но... Опять! Всегда вмешивается это чертово «но» и сбивает с пути. Бродят в Федоре старые оперативные дрожжи, любит он всякие криминальные загадки, даже подумывает на досуге заняться детективной практикой. В смысле заявить о себе как о частном детективе. Добрый Савелий, между прочим, его всячески поддерживает, поощряет и готов помочь материально. Например, сейчас Федор занят эссе об идеальном убийстве. Казалось, ну что нового тут можно сказать? А Федор найдет, уж поверьте! Шестеренки в голове крутятся, дай бог всякому. Добавьте сюда приятные манеры, улыбку, от которой даже у Митрича замирает сердце, даром что мужик, и чувство юмора, за которое его обожают учни. Обожают и подражают: почти все молодые люди с факультета философии таскают на шеях длинные клетчатые черно-зеленые шарфы и носят длинные белые плащи, а Леня Лаптев, летописец жития философа Федора, еще и черную шляпу с широкими полями. Капитан Астахов называет друга пижоном и вешает на него всех аспиранток и холостых профессорш. Федор не спорит, только улыбается и пожимает плечами – он не привык говорить о своих отношениях с женщинами...

Савелий Зотов... Третий член триумvirата. Добрый порядочный человек, отец двоих детей, Германа и Насти. Не красавец, но, как всем известно, такой бонус от природы для мужчины необязателен. Оторван от жизни напрочь по причине прочтения массы дамских остро сюжетных романов. Между прочим, в свое время Савелий отбил у Федора девушку Зосю, на которой впоследствии женился⁴. Да, да, Савелий у Федора! Невзрачный Савелий у красавца Федора! И тот время от времени по-дружески упрекает друга, а Савелий смущается и оправдывается, чувствуя себя виноватым. Так они и живут.

Капитан Астахов при встрече у Митрича рассказывает о загадочном нашумевшем преступлении, имевшем место в городе, Федор выспрашивает детали, а Савелий Зотов проводит аналогию с детективным романом – абсолютно идиотскую, по мнению капитана. А Федор подливает масла в огонь, рассматривая ситуацию с философской точки зрения. Капитан хватается за голову и кричит, что они его окончательно достали своей мутной философией и бабскими книжками! А тут еще Митрич подкидывает дровишек от матушки... Хоть караул кричи!

Но как ни странно, мутная философия, бабские книжки, матушка Митрича... все это нестандартное, альтернативное и просто идиотское вкуче почему-то срабатывает! Выстреливает в цель. Капитан Астахов этого, разумеется, не признает, не тот он человек, чтобы признать, но в глубине души соглашается, что... ну да, ладно, есть что-то, совершенно случайно, разумеется, и пальцем в небо, но... да, хорошо, ладно, возможно, какое-то рациональное зерно имеет место быть.

Первым на точку явился Савелий Зотов. Как всегда. Он страшно боится опоздать и всегда приходит первым. Сердечно поздоровавшись с Митричем, Савелий занял их «отрядный» столик в углу, откуда видны бар и сцена, где под гитару поет романсы приятная девушка. Правда, не каждый день, а только по субботам. Митрич издали вопросительно вскинул подбородок, и Савелий покачал головой, что значило: пока не надо, вот когда придут Коля и Федор...

Минута в минуту появился Федор Алексеев, верный лекторской привычке приходить вовремя. Точность – вежливость королей, любит он повторять. Улыбнулся Митричу, пожал руку Савелию, сел.

⁴ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Убийца манекенов».

– Коля сейчас придет, – сообщил Савелий. – Я звонил, он в дороге.

– Как Зося? Дети?

– Хорошо. Тебе привет. А ты?

– В порядке.

– Знаешь, Федя, я тут подумал, а что, если махнуть на Магистерское? Как ты думаешь? Пока лето не кончилось, а? С ночевкой, как в прошлом году... Ведь хорошо же было!

– Было замечательно. Я только «за», Савелий. Сейчас спросим капитана, и вперед.

– Коля! – обрадовался Савелий, завидев входящего капитана. – Почти не опоздал.

Капитан Астахов подошел, сдержанно поздоровался. Митрич, убедившись, что есть кворум, уже поспешал со своей дребезжащей тележкой, полной даров.

– Митрич, добрый вечер! Ну и жарница! Пивко в самый раз! Что бы мы без тебя делали!

– Да ладно тебе... – Смущенный Митрич принялся разгружать тележку.

– Ваше здоровье! – Капитан припал к кружке.

Федор и Савелий переглянулись.

– Коля, что-нибудь случилось? – спросил Савелий, сделав глоток и отставляя кружку – он не любил пива и пил его исключительно за компанию.

– Когда? – горько спросил капитан, отставляя стакан. – Вчера? Сегодня? Только что?

Он был сильным и мужественным человеком, капитан Астахов, не раз бывавшим в переделках, но все мы люди и ничто человеческое... э-э-э... как там говорится? Иногда на него нападало настроение, которое он называл подведением итогов, а Федор – декадансом. Коля жаловался на собачью жизнь, глупое начальство, ненормированный рабочий день и грозился уйти к брату в бизнес. Это значило, что следствие застопорилось, свидетели путаются в показаниях, у главного подозреваемого железное алиби, разумеется, купленное, а начальство тербит и требует. К черту, кричал капитан. Задолбали! Заездили! На хрен! Хватит! Сколько можно! И еще всякие другие выразительные слова.

Федор и Савелий давали ему выговориться, не мешали, не лезли с утешениями; Митрич, соболезнуя, наблюдал издали. Капитан, выпустив пар, успокаивался и спокойно рассказывал, в чем дело.

– Когда? – горько спросил капитан. – В какую минуту моей раздолбанной, потерянной, конченной жизни?

Федор и Савелий снова переглянулись.

– Сегодня! – твердо сказал Федор. – Что случилось сегодня?

А случилось вот что. Начальник капитана полковник Кузнецов попросил его поговорить с одним бизнесменом, у которого пропала жена, и у него истерика. Кузнецову позвонил генерал Охрименко и попросил послать к бизнесмену толкового опера, пусть осмотрится, успокоит жертву и вообще пообещает, что проследит за поисками лично.

– Конечно, какой вопрос! Мне же не хрен делать, целыми днями плюю в потолок, кому как не мне вытирать сопلي какой-то истеричке и искать сбежавших дамочек!

– И что? – спросил Савелий. – Она действительно пропала или он ее убил?

– Ага, и закопал в саду, – буркнул капитан. – Она действительно пропала. Я выслушал кучу розовых соплей насчет неземной любви, прошелся по дому... У него домина в кооперативе «Октавия», что в Посадовке. Дамочки нет, нет также ее вещей, бижутерии, косметики... и так далее. Никаких следов. Причем не ссорились, не скандалили, никаких намеков на то, что она собирается освободить жилплощадь. Она ему не жена, а подруга. Но планы были. Познакомились примерно две недели назад, и она переехала к нему. Утром он на работу, она на хозяйстве... Зовут Зоя, фамилии он не знает, паспорта не видел, в телефон не заглядывал и очень оскорбился, когда я спросил. Пацанизм зашкаливает, а еще бизнесмен.

– Откуда она взялась? – спросил Федор.

– Познакомились в парке, где он обедал – пил кофе. Она сидела на скамейке и плакала. Он расправил мускулы и кинулся утешать, кончилось тем, что предложил остановиться у него. В нашем городе у нее парень, познакомились год назад в Египте, но по адресу такого нет, где искать, она не знает. То есть развел барышню, по ее словам. Она заявила, хотя никто не приглашал, и такой облом. Оказался негодяем. Хотя, с другой стороны, нечего переться без приглашения.

– Что значит «предложил остановиться у него»? – поразился Савелий. – Чужую женщину к себе в дом? Как это? А ее знакомый знал, что она приезжает? Она сообщила ему?

– Любовь с первого взгляда, – фыркнул капитан. – В твоих книжках разве не так? Насчет ее знакомого пострадавшему ничего не известно. Может, сообщила, а может, нет. Хотела устроить сюрприз. Фамилии новой знакомой он, естественно, не знает.

– А если она аферистка? Он проверил, деньги на месте? А если она его обокрала?

– Деньги на месте. Сейф не вскрыт. Никто его не обокрал. Более того, на месте кольцо с бриллиантом и изумрудами, которое он ей подарил. По цене приличной тачки. Согласитесь, выглядит нетипично.

– Может, он маньяк? Бил ее?

– Никого он не бил. Она просто испарилась.

– А ты что?

– Взял координаты экономки, на данный момент она в отпуске.

– Поговорил?

– Поговорил. Болтливая тетка лет пятидесяти, до сих пор в ушах звенит. – Капитан помотал головой. – Из тех, что суетятся, переставляют стулья и чашки, размахивают руками и мельтешат. Хозяин замечательный человек, таких поискать, умница, жена умерла от рака четыре года назад, тоже прекрасная женщина, он до сих пор не может забыть, богатый, умный, успешный бизнес, горит на работе.

– А про женщину что? – спросил Савелий.

– Про женщину... – Капитан помолчал, потом сказал: – А вот не скажу! Догадайтесь сами, если такие умные. Федор!

– Даже если она что-то видела, она не скажет, – сказал Савелий. – Предана хозяину. А беспризорные женщины из парка так просто от богатых бизнесменов не сбегают. Что-то здесь не так! Я бы обыскал дом. Чердак, подвал, сад... Все! Помню, в одной книжке...

– А вот этого не надо! – перебил капитан. – Никаких бабских книжек, мало мне своего горя. Федор! Какие версии?

– Версия одна.

– Интересно! Ну?

Федор медлил, подогревая нетерпение друзей. Сказал после паузы:

– Женщины не было, я думаю.

– Как это не было? – поразился Савелий. – Что значит... – он осекся. – Коля! А камера на входе у него есть? У всех сейчас камеры!

– Камера была, нерабочая. Федор прав, – неохотно сказал капитан. – Экономка понятия не имела, о чем я. Какая женщина? Никаких женщин в доме после смерти жены не было. То есть бывали, конечно, но случайные, не стоящие внимания. Одноразовые, как говорится. Она сейчас в отпуске, хозяин попросил не приходить, а до этого – никакой женщины, может, появилась, пока ее не было...

– Не может быть! – ахнул Савелий. – Как это? У него что, проблемы с психикой? Она ему привиделась? А ее фотографий в мобильнике нет? Сейчас у всех миллионы снимков!

– Не знаю, Савелий, я не доктор. Он был пьян, это да, насчет психа не уверен. Подробно описывал ее – длинные рыжие волосы, зеленые глаза, умная, с чувством юмора, ласковая... Идеал! Говорил, что она встречала его с работы, они обнимались, а после ужина танцевали...

Даже заплакал. Никогда не видел, чтобы мужик из-за бабы... – Капитан махнул рукой. – Ну, бывало по жизни всяко, тебя бросали, ты бросал, но чтобы вот так, до слез? Причем не хлюпик – крутой мужик, успешный бизнес. Да на него роем летят! А тут такая истерика. Уверен, что ее выманили и увезли силой. Приходили специально за ней, не грабители, так как ничего не взяли. Фото нет, я спрашивал. Сначала сказал, что да, есть, но оказалось, что нету. То ли ошибся, то ли... удалил. Или она удалила. И никаких следов! Тем более деньги целы и, главное, кольцо! Так не бывает, поверьте моему опыту. Ни булавки, ни губной помады, ни пуговицы. Ни-че-го. Я осмотрел спальню, ну хоть что-то, хоть волос на подушке... Ни фиги. Громадная кровать, небрежно заправлена, сразу видно, что прислуга в отпуске. Две подушки, на одной стороне – его – спали, на другой, похоже, нет. На тумбочке с его стороны фото в серебряной рамке – он с женщиной, видимо, женой – и пластиковая бутылочка с таблетками...

– Какими? – спросил Федор.

– Я записал, спросил у Лисицы. Говорит, снотворное, довольно сильное. Еще пара смятых счетов. То есть как бросил, так и лежат, никто там не прибирался. Тумбочка с ее стороны пуста, на туалетном столике никаких следов от косметики. Или ничего не стояло, или протерли. Даже пыли нет. Та же история в ванной. И всего один комплект полотенец. Потому и пошел к экономке. А как ты догадался?

– Из стилистики твоих ответов.

– Чего? – приподнял бровь капитан.

– Савелий спросил, не обокрала ли его эта женщина и не бил ли он ее. Ты ответил, что «никто его не обокрал и никого он не бил». Странная конструкция фразы... Нормально было бы ответить, что она его не обокрала и он ее не бил. Это первое. Второе. Дело пустяковое – все, что от тебя требовалось, это выслушать и пообещать, что заявление у него примут, а ты отправился к экономке. Причем никаких подозрений насчет возможного убийства у тебя не возникло, тела не нашли, в саду ничего подозрительного... Я уверен, ты попросил показать сад. И третье. Фамилии он не знает, паспорта не видел, в телефон не заглядывал, фото нет. Деньги и кольцо на месте. – Федор замолчал.

– Все?

– В принципе, все. Если не считать твоей загадочной физиономии и упоминания всяких мелких деталей, что абсолютно не в твоём стиле. Я прав?

– Прав, – неохотно признал капитан.

– Что сказал охранник?

– Охранник ничего не видел, и о том, что у Михаила Андреевича живет женщина, понятия не имел. Тот каждый день в восемь на работу, в восемь с работы. Все. У них там мышь не проскочит. Во всяком случае на тачке. Мышь на тачке, Савелий, – сказал он, видя, что Савелий открыл рот. – Забор имеется, но без колючей проволоки. Пострадавшего зовут Михаил Андреевич Кротов. Занимается строительством, между прочим, кооператив «Октавия» его рук дело. Красивые дома, причем все разные. Дельный нормальный мужик, пока не доходит до баб. Пардон, до прекрасного пола... Ее зовут Зоя. Звали.

– Мышь не проскочит на машине, а пешком вполне, – заметил Федор. – Через дырку в заборе. Мы все глупеем, когда доходит до... них. То, что охрана не видела в его машине женщину, не говорит о том, что ее не было. Охранники, как правило, знают машины жильцов наизусть, пропускают, не глядя, и присматриваются только к чужим машинам.

– Согласен. Насчет мыши не знаю, не проверял. Лично я не глупею.

Федор позволил себе улыбнуться.

– А что теперь? – спросил Савелий. – Завтра он придет к вам с заявлением... и что? Примете?

– Примут, Савелий. Не могут не принять. Мы предположили, что ее не существует, чисто гипотетически, исходя из ряда странностей и полного отсутствия следов, но к делу этого

не подошьешь. Надо бы опросить соседей, еще раз охранников, коллег и друзей бизнесмена... Невозможно прятать человека почти две недели, не в лесу живем, где-то что-то вылезло бы... если было чему вылезать. И проверить, может, он на учете в диспансере. Коля, а он случайно не алкоголик?

Капитан пожал плечами:

– Я же сказал, он был подшофе. Но в драку не лез, посуду не бил и не матерился. Был тихим и нежным, плакал. Предложил поддержать компанию.

– А ты?

– А я... Отказался, конечно! – с горечью сказал капитан. – Отличный коньячок, между прочим. Вот так всю дорогу жизнь проходит мимо. Он пил, я смотрел и слушал всякие... э-э-э... Одним словом, слушал.

– А может, это идеальное убийство? – предположил Савелий.

– А где труп? – спросил капитан. – Ох, Савелий! Да и не пошел бы он заявлять, если бы убил, не стал бы суетиться. Да, да, знаю, по статистике, семьдесят процентов заявителей, как правило, причастны. Тем более сожитель. Но тут особый случай. Ее никто в городе не знает, ни друзей, ни знакомых, исчезни она, никто не почесался бы и не спросил, куда она делась. Что, собственно, имеет место быть. Не дурак же он, чтобы так засветиться.

Савелий с сомнением кивнул.

– Савелий, а что такое, по-твоему, идеальное убийство? – спросил Федор.

– Ну как же! – заволновался Савелий. – Убийство в закрытой изнутри комнате! Когда есть труп, но нет убийцы и подозреваемых. То есть убийство остается нераскрытым. Об этом написаны десятки романов...

– Я бы сказал иначе, Савелий. Идеальное убийство – это не то, которое не раскрыли, а то, по которому осудили невиновного и поставили точку. Как тебе такая история: в Англии в позапрошлом веке некая женщина убила мужа ножом. Он напал на нее с топором, она защищалась. Накануне она случайно наткнулась на его дневник, где он описывал четырнадцать способов убить ее, и была настороже. Ее оправдали. А спустя почти век некий дотошный историк-криминалист, разбирая старые дела, обратил внимание на то, что почерк мужа в дневнике отличается, – в тексте про убийства супруги он явно подделан. То есть те куски писал не он. Вот это называется идеальным убийством, Савелий.

– То есть он не собирался ее убивать?

– Нет. Это она собиралась его убить, возможно, с сообщником. И убила, выйдя сухой из воды. Допускаю, что такие случаи имеют место и в наше время...

– Сейчас такой номер не прошел бы, – заметил капитан. – Не переживай, Савелий, криминалисты – дотошные ребята, их на мякине не проведешь.

– А может, она правда была, и ее парень... к которому она приехала, ее нашел или ответил по телефону, и она ушла к нему. А сказать этому, новому, постеснялась...

– Видишь, как ты все красиво разложил, – похвалил капитан. – Может, так оно и было. Надо будет еще с матушкой Митрича посоветоваться. А чего это мы сидим, как на празднике в детском саду? Пиво греется, фирменные Митрича скучают. Предлагаю выпить за подруг, которые...

Тут следует пояснить насчет странного замечания капитана о детском садике. Дело в том, что пару лет назад Савелий пригласил друзей на новогодний утренник в садик своей дочки Настеньки. Федору утренник понравился, он любит детей и однажды все лето проработал воспитателем в старшей группе – писал статью о творческом начале у детишек. Капитан же едва дождался окончания праздника, вылетел оттуда пулей и до сих пор вспоминает с содроганием.

– ...которые нас не бросают! – выпалил Савелий.

– Даже не знаю, Савелий, я бы не стал настаивать на твоей версии, иногда пусть бросают и... – капитан махнул рукой, – скатертью дорога!

Савелий и Федор переглянулись, и Федор снова позволил себе улыбнуться. Оба прекрасно поняли, что Коля имеет в виду свою гражданскую жену Ирочку, легкомысленную почти модельку известного кутюрье Рощенко, Рощика для своих. Вся команда Рощика, включая его самого и, разумеется, Ирочку, была незрелой, славилась дурацким поведением, крикливостью, раздражающей капитана манерой лобызаться по три раза при встрече, пачкая щеки помадой и слюнями... И главное, кидаются так, что хрен увернешься! Особый счет к «этой банде» у консервативного капитана был за нелепые пацанские одежки *самого*, который, например, любил эпатировать публику солдатской шинелью, широченными белыми слаксами и красными борцовскими ботинками. Еще всякими мелочами вроде здоровенных круглых очков в красной оправе, красной же бейсбольной шапочкой козырьком назад и длинными нечесаными патлами при лысой макушке. А Рощик, наоборот, питал к капитану слабость и всякий раз норовил облобызать... И главное, хрен увернешься!

Читатель, возможно, спросит, почему Ирочка была почти моделью, а не полностью. Очень просто! Она была крохотная, как дюймовочка, и выпускали ее на подиум только в случае внезапной болезни или похмелья какой-то из двухметровых моделек. Эх, мать, тебе бы росточка добавить с метр, любил повторять Рощик, цены б тебе не было! А пока Ирочка отвечала за: сварить кофе, пришить-отрезать, подогнать, сгонять в магазин за бухлом и сложить отработанные модели. Об Ирочке можно написать книгу. Безалаберная, рассеянная, добродушная, не интеллектуальный гений, отвратительная кухарка, соня, дрыхнущая до полудня, потому что накануне завалилась домой за полночь, причем навеселе. Коля отрывался на подруге от души, назидал, воспитывал, учил жить, а Ирочке как с гуся вода. Прекрасный характер! И вот поди ж ты! Уже несколько лет держатся вместе, не разбежались. Правда, был момент... Когда Ирочка разбила машину капитана, новенькую «Хонду», братьев подарок – потащила кататься после корпоратива весь модельный цех. Ночью! Все восемь рыл! К счастью, никто не пострадал. Кроме бедной «Хонды». «Убью! Все, хана! К черту!» – ревел капитан, потрясая кулаками. Но потом как-то улеглось...

Они подняли бокалы и выпили.

Глава 3

Мастерская творца

Никем не превзойденный мастер...

...Душа рассудок научила

Любить, сама же пала в прах.

Игорь Северянин. Брюсов

Представьте себе громадный подвал, залитый светом софитов, на столах вдоль стен кипы рисунков и фотографий, мужские и женские пластилиновые и гипсовые головы с белыми слепами невыразительными лицами; отдельно на столах кисти рук – больших, маленьких, сцепленных в кулаки, с растопыренными пальцами; тут же коробки со стеклянными глазными протезами разных цветов: голубых, карих, черных; отдельно пара массивных, тяжелых форм-ванн, в которых гипсовые головы заливают горячим воском. Резкий запах технических жидкостей и лаков. На круглом столе в центре помещения стоит женская восковая голова, покрытая специальным лаком, с голым черепом, но с широко расставленными глазами, карими, отчего кажется, что женщина живая и смотрит на зрителя. У нее нежная полупрозрачная кожа, подкрашенные румянами щеки и губы, растянутые в легкой улыбке, а также ямочки на щеках и подбородке. Сочетание голого черепа и «живого» лица производит жутковатое впечатление.

По стенам висят большие цветные фотографии восковых фигур Богородицы из европейских церквей. Воск, как известно, издавна считается священным материалом, а пчелы – символом непорочной Девы Марии. Печальные нежные склоненные личики с легким румянцем, в зубчатых коронах, украшенных жемчугами и разноцветными драгоценными камнями, в бесценной золотой парче. Воск – благодарный материал, прекрасно передающий особенности человеческой кожи, к тому же он легко раскрашивается.

Таково вкратце описание мастерской скульптора, работающего «по воску». Мастер, Ростислав Мирона, – крупный мрачноватый мужчина в рваных джинсах и бесформенной рубашке до колен; длинные черно-седые нечесанные кудри падают на плечи, блестит цыганская серьга в левом ухе, а в вырезе рубахи видны ладанка на черном шнурке и серебряный крестик; в крупных руках, испачканных красками и лаками, мастер держит кусок картона с наброском женской модели, оригинал для лепки. По-бычьему нагнув голову, он сосредоточенно рассматривает восковую голову, сравнивая с эскизом.

Часы на площади отбивают четыре удара, потом еще три. Три ночи, или три утра, как вам будет угодно. Мастер отшвыривает картон, заносит кулак над восковой головой, замирает. Он недоволен результатом. Он редко бывает доволен результатом...

Он уходит из мастерской. Гаснет свет. В подвале воцаряются крошечная тьма и глубокая тягучая тишина. Ни звука, ни луча света... Мертвый, безжизненный мир гипса и воска...

Шаркая ногами, Мирона идет через большой выставочный зал в свой закуток, где втиснуты топчан, тумбочка с посудой и газовая плитка с чайником и кастрюлей. Здесь же умывальник и кран.

Выставочный зал – холл бывшего молодежного театра, а до этого – Дворянского собрания. Двенадцать фигур в зале, тринадцатая в мастерской – итог трех лет работы. Мастер недоволен тринадцатой моделью, женой местного воротилы, глупенькой невзрачной дамочкой с претензиями, которая хочет быть столбовой дворянкой, а данных с гулькин нос, даже меньше. Жалеет, что согласился, но уж очень просили. Да и деньги не лишние. Не цепляет. Мирона смотрит волком и сжимает кулаки: эта дурочка думает, если есть деньги, то можно купить мастера и потребовать. Ладно, хрен с ней! Хочет китч, получит китч. Тринадцатая! Ну и черт с тобой. Двенадцать есть в наличии. Двенадцать – конец цикла. Сложилось магическое число.

Двенадцать апостолов – творческий путь мастера, итог денных и ночных усилий. Каждый год добавляется шедевр, совершенство, остальные – проходные пешки. Дилетант не усмотрит разницы. Мастер знает. Сцепив зубы, избегает смотреть в сторону *тех*, зато подолгу стоит перед совершенными, рассматривает всякий раз, словно видит впервые. Каждая морщинка, каждая ресничка, каждая ямочка, полуулыбка, сведенные брови, даже бородавка... все совершенно! Живые, с характером, даже с норовом, с мыслями в восковых головах. С блестящими глазами, ухмылками и усмешками, колючим или коварным взглядом. Живые! С ними можно разговаривать. Они отвечают. Смеются. Вздыхают. Лукавят. Грустят. Добрые. Злые. Подлые. Лживые.

Не забыть сказать про одежду! Цвет, драпировки, украшения... Это тоже искусство – подобрать аксессуары, чтобы раскрыть истинное лицо. Выбрать фигуру, историческую личность и проявить суть – тоже искусство. Но это уже потом, это десерт, а главное – восковый человек! Лицо! Десятки эскизов, часы работы с живым оригиналом, попытки схватить и вытащить сущность – то, что прячется внутри, за словами, гримасами, масками. Вытащить, прибить гвоздями и прокричать: вот оно! Кто-то из великих сказал, что маски защищают от мира и зла, сорви их – и человек беззащитен. Беззащитен, слаб, наг... червь под ногами Мастера!

Везде в природе и мироздании двенадцать – гармония, совершенство и равновесие. Двенадцать апостолов, двенадцать титанов, двенадцать месяцев, двенадцать знаков зодиака, число-символ Солнца и Луны, символ «философского камня» и божественного круга, вращающего вселенную, двенадцать часов дня и ночи, космический порядок, пространство, время, колесо возрождения.

Двенадцать. Конец цикла. Время трогаться в путь и начинать новый.

Он останавливается около любимой модели. В жизни ее зовут Саломея. Древнее языческое имя, полное мрачной энергии и тьмы. Когда он увидел ее в первый раз, совершенно случайно, то был потрясен. У него даже пальцы сжались, он представил, что сжимает карандаш. Саломея Филипповна, личность в городе известная, знахарка и ведьма. И внешность у нее соответствующая. Исполинского роста, с жесткой черно-седой гривой, сильным мрачным лицом... Официально – ветеринар. И черная собака ходит следом. Зовут Альма. Она сидела на скамейке в парке, ела что-то, бросая куски собаке. В длинной черной юбке, в длинной блузе, синей, в мелкий белый цветочек, с дикими распущенными полуседыми патлами. Юродивая? Он подошел ближе, уставился, перебегая взглядом с ее смуглого лица с крупными, замечательной лепки чертами на большие руки. Его трясло. Это была его женщина. В ней было совершенство, не испоганенное краской и бутафорией, без малейшей попытки украсить себя, так редко встречаемое теперь в людях.

Почувствовав его взгляд, она глянула на него. Он невольно выпрямился и сглотнул.

– Садись, – сказала она сипловатым голосом, кивая на скамейку. – В ногах правды нет.

Он почти упал рядом с ней. Молча. Собака вздыбила загривок и зарычала.

– Альма, фу! – сказала женщина. – Свой. Хочешь? – Она протянула ему кусок хлеба. – Ломай! Люблю съест хлебца на воздухе. Задержалась в городе, оголодала.

Мирона, покосившись на собаку, протянул руку, осторожно отломил кусочек.

– Ты кто?

– Ростислав Мирона.

– А по батюшке?

– Иванович. Можно Ростислав.

– Не спеши, Ростислав Иванович. Без отчества человек вроде голый, беззащитный, надо с отчеством.

Он вздрогнул: маска! Отчество – та же маска! Она говорила его словами.

– А делаешь что?

– Я скульптор. Художник.

– Скульптор? Людей лепишь? А я Саломея Филипповна, ветеринар. Людей тоже могу, все божья тварь. Будем знакомы.

Они ели хлеб. Она доела, встала:

– До свидания, Ростислав Иванович, будь здоров.

– Подождите! – вырвалось у него. – Где я вас найду?

– Зачем? – она уставилась на него черными бездонными глазами.

– У меня мастерская, я хочу вас лепить... Пожалуйста! Для музея.

– Для музея? Зачем?

– Музей восковых фигур, мэр дал денег и дом, где молодежный театр.

– Как в Лондоне? Мадам Тюссо? Внук был, рассказывал. Не знала. У нас в городе много народу, я тебе без надобности. Да и времени у меня нет.

– Мне нужны вы! – выкрикнул Мирона, хватая ее за руку. Альма зарычала. – Пожалуйста! – Он чуть не плакал. – Вы не понимаете! Вы... вы... Пожалуйста!

– Успокойся, Ростислав Иванович. Прямо как дитя малое из-за игрушки. Пару часов тебе хватит?

– Да! Да! – заторопился Мирона. – Несколько часов, потом... еще. Я постараюсь побыстрее. Спасибо!

...Женщина во весь рост, в черном балахоне смертника и капюшоне, с длинной спутанной черно-седой гривой, с пронзительными черными глазами и страшной улыбкой. К ее ногам жметесь белый волк с оскаленной пастью, тут же пара вязанок хвороста. Мирона наклоняется, нажимает на кнопку, запускающую крошечный вентилятор, спрятанный в прутиках. Легкий шум воздушной струи, и кверху взвиваются полоски красного шелка – имитация языков пламени. Он отступает, чтобы охватить взглядом ее всю. Ведьма вытянула руку, грозит и проклинает, яростно тыча в толпу скрюченными костлявыми пальцами, взгляд неистовых черных глаз прожигает насквозь.

– Я вернусь! – вопит ведьма. – А вы вседохнете в мучениях! Проклинаю! – В уголке ее рта застыл белый комочек слюны.

Мурашки по коже...

Мирона невольно оглядывается и замирает – ему чудится некий звук, шорох шагов, скрип отворяемой двери. Показалось! Все тихо в старом доме. Тихо и пусто. Восковые куклы неподвижны.

Тяжело ступая, он идет к себе, наливает в чайник воды, ставит на огонь. Тяжело садится на топчан, ждет, пока закипит. Не вставая, достает из тумбочки пачку чая, вытряхивает в чашку. Потом сует руку под топчан и вытаскивает бутылку водки...

Глава 4

Столкновение

*Только раз бывает в жизни встреча,
Только раз судьбою рвется нить...*
Павел Герман. Романс «Только раз...»

Философ Федор Алексеев сидел под зеленым зонтиком уличного кафе «Паста-баста», пил кофе и черкал ручкой в блокноте. Утром народу было немного, он наслаждался покоем и относительной тишиной, в которую органично вплетались голоса, шаги и далекие шумы улицы. Столики здесь отделены один от другого куртинами вьющегося плюща и горшками с деревьями, что создает атмосферу уединения – никто не заглядывает в тарелки. Правда, голоса слышны, и если кто-то хочет подслушать, то милости просим. Хотя, кому оно надо? Через столик от Федора кто-то невидимый пил кофе, остальные были свободны. Невидимому позволили, его мобильный телефон взорвался пронзительными аккордами «Голубой рапсодии», и знакомый голос заорал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.